

Белые ветхие фонари качались на ночном ветру, и рваные тени ложились на благородное лицо Хо Ляньюня, дробя его черты.

— Главе всё хуже, он едва держится, — упавшим голосом произнёс Хо Ляньюнь, понутив голову. — Надо торопиться. Из столицы снова отправили переговорщиков. А мы так и не нашли «Свиток Сотни Оружий». Подставили братьев...

— Кого приказали убрать Ло Чуню? — спросил Чжао Лои.

— Вернёмся, спросим Соболя — тогда и узнаем. Пока неясно, тот же это заказчик, что назначил цену за голову Хэ Жуйтина, или другой, — Хо Ляньюнь тяжело выдохнул, не в силах скрыть горечь поражения. — В Линьчжоу многих уже переманили на свою сторону. Вчера, пока тебя не было, здешний счетовод Чай Цзинь прислал весточку. Пишет, Хун Фэн, Гу Му и Ань Хэчжи переметнулись к Павильону Сулинь. Наша Башня — не чета их Павильону: те держат своих слуг на поводке из ядовитых насекомых, а у нас во главе угла стоит братский долг. Но в этом и кроется наша слабость. Чужая душа — потёмки. В Башне ведь все свои, плечом к плечу ходили на дела, доверяли друг другу жизни... И теперь они стравливают наших же братьев между собой.

Хо Ляньюнь в ярости ударил кулаком по деревянным перилам.

— В этом Павильоне Сулинь выращивают бездушное оружие. Для них человеческая жизнь — сор под ногами!

— А сам-то ты разве не ратовал за то, чтобы Башня подчинилась властям? — Чжао Лои холодно прищурился, вглядываясь в лицо побратима, словно надеялся разглядеть за его словами тайный умысел.

Хо Ляньюнь уставился невидящим взором на причудливую карликовую сосну, росшую в кадке внизу, посреди двора.

— Если бы они действительно хотели мирного подчинения, то не стали бы сеять раздор среди наших людей. И уж точно не проливали бы кровь братьев.

— Ты уверен, что за гибелью Сяо Ци и Ло Чуня стоит именно Павильон Сулинь? — Чжао Лои отвёл взгляд.

Возможно, это была лишь глупая подозрительность, но в последнее время его не покидало ощущение, что Хо Ляньюнь что-то от него скрывает. С другой стороны, они столько лет прошли бок о бок. У Ляньюня была тысяча возможностей нанести удар в спину, если бы он действительно желал его смерти.

— Старший брат подтвердил, — коротко бросил Хо Ляньюнь.

Чжао Лои задумчиво промолчал. Помедлив, он достал трубку, неторопливо раскурил её и прикрыл глаза, пытаясь сбросить навалившуюся усталость.

Красный огонёк мерно разгорался и гас в темноте.

— На рассвете я отлучусь, — сделав глубокую затяжку, глухо произнёс Чжао Лои. Уголёк в трубке вспыхнул ярким, чистым пламенем.

— Давай лучше я, — устало отозвался Хо Ляньюнь. — Я же обещал, что платить за всё буду сам.

Чжао Лои спорить не стал:

— Как знаешь. Сходи ты.

— Вчерашний свист... Похоже, так управляют ядовитыми насекомыми, — Хо Ляньюнь украдкой покосился на собеседника, но, не заметив на лице Чжао Лои ни тени беспокойства, недовольно буркнул: — Твоему покровительству тоже должен быть предел. Мальчишка Ли Мэн...

— Сяо Чанчу подсадила ему гу, у него не было выбора, — Чжао Лои одарил Хо Ляньюня тяжёлым взглядом. — И вообще, вспомни Юнъинь. Ты сам отправил его за сладостями.

— И теперь я же крайний?! — Хо Ляньюнь аж вытянулся в струнку, сердито ткнув себя пальцем в лоб.

Чжао Лои отвернулся, задумчиво всматриваясь в ночную даль. И когда Хо Ляньюнь уже готов был взорваться от досады, тихо заметил:

— Ляньюнь, ты стал слишком вспыльчивым. Где твоё хвалёное хладнокровие?

— Чай, не в родном поместье гостим... — Хо Ляньюнь недовольно скривился. — В общем, приглядывай за парнем, чтобы дров не наломал. — Он вдруг усмехнулся с горькой иронией: — Вы теперь как иголка с ниткой, водой не разлить. Боюсь только, ты сквозь пальцы на всё смотришь. Мне-то дела нет, но учитель у нас общий. Жизнь твоего ученика важна, спору нет, но и жизни братьев из Башни на дороге не валяются. Расставь приоритеты, Лои, пока не запутался окончательно. — Он в раздражении взъерошил волосы. — И надо что-то решать с докладом императорскому двору. Ещё один промах, и моё прикрытие лопнет как мыльный пузырь.

— Сидел бы тихо в своём поместье, наследовал титул маркграфа Цзинъяна и горя бы не знал в роскоши. Зачем только полез в эту грязь, — равнодушно обронил Чжао Лои.

— Если бы у меня был выбор, я бы тоже не хотел, чтобы в тот день меня спасал Вэнь Сюй, — Хо Ляньюню этот разговор явно встал поперёк горла. Поняв, что спорить бесполезно, он досадливо махнул рукой: — Ладно, проехали. Завтра в путь. Вернёмся в Башню — разберёмся, там дышать легче станет. Ложись тоже.

Хлопнув друга по плечу, Хо Ляньюнь ушёл к себе.

Сквозь щель в двери Хо Ляньюнь увидел, что Чжао Лои всё так же стоит на галерее, окутанный сизым табачным дымом. Заперев засов, Хо забрался на постель, уселся по-турецки и мгновенно растерял всю свою напускную вспыльчивость. Он достал дорожные письменные принадлежности, согрел дыханием застывшую кисть и быстро набросал несколько строк.

За ночь до прибытия в Линьчжоу на тракте их нагнал отряд личных гвардейцев из поместья маркиграфа Цзиньяна. Почувствовав себя в безопасности под такой охраной, спутники без лишней скрытности остановились на ночлег в постоялом дворе ближайшего городка.

После того как вещь была передана Сяо Чанчу, Ли Мэн заметил, что и Чжао Лои, и Хо Ляньюнь заметно расслабились. Впрочем, парень несколько раз ловил Хо Ляньюня на том, что тот запускал почтовых ястребов — неизменно в те часы, когда Чжао Лои отлучался по делам. Что касается Ван Ханьчжи, тот держался особняком. Поняв, что великий жрец не спешит открывать перед ним двери и брать в ученики, юноша целыми днями просиживал под навесом, безучастно глядя в пустоту потерянным взором.

Зато чёрный кот Ван Ханьчжи на удивление быстро привязался к Ли Мэну, совершенно игнорируя собственного хозяина. Ли Мэн догадывался, что после семейной трагедии юноше было просто не до питомца. Кот же, как существо гордое, платил взаимностью: если человек не обращает на него внимания, то и он снисходить до ласки не станет.

Этим вечером, когда Чжао Лои ушёл по делам, Ли Мэн вымылся, накинул лёгкое нижнее платье и устроился на крыльце с вымытым до блеска чёрным котом, аккуратно вытирая его пушистую шёрстку большим мягким полотенцем.

Неподалёку на ступеньках сидел Ван Ханьчжи. В руках он держал резец, сосредоточенно вытачивая деталь для какого-то продолговатого деревянного футляра. Присмотревшись, Ли Мэн поймал себя на мысли, что эта вещь кажется ему смутно знакомой.

— Давно ты с ним? — неожиданно нарушил молчание Ван Ханьчжи.

Ван Ханьчжи обычно слова из себя не выдавливал, так что его внезапное желание поговорить изрядно уязвило Ли Мэна. Но парень и виду не подал, ответив с самым равнодушным лицом:

— Не твоё дело.

Острый резец ловко скользил внутри шкатулки, и мелкая стружка тонкой струйкой сыпалась сквозь пальцы Ван Ханьчжи. Юноша покосился на собеседника:

— Я всё равно добьюсь, чтобы он взял меня в ученики. Так что води себя смирно — старший брат тебя в обиду не даст.

«Даже если он тебя и примет, старшим братом всё равно буду я!»

Ли Мэн мысленно фыркнул и закатил глаза. Тем не менее он с любопытством следил за точными движениями Ван Ханьчжи, пытаясь угадать устройство скрытого механизма. И тут его осенило: коробка была точь-в-точь как та, смертоносная, из поместья семьи Ван, что плевалась отравленными иглами.

С тех пор как они взяли Ван Ханьчжи с собой, Чжао Лои будто бы совсем не обращал внимания на единственного наследника Ван Ба. Он ни разу не устроил ему допроса с пристрастием. А ведь именно Ханьчжи, скорее всего, знал, где спрятан легендарный «Свиток Сотни Оружий» — недаром за ним так охотились императорские ищейки. Чжао Лои лишь однажды сухо спросил юношу об этом свитке, и когда тот ответил отрицанием, больше к теме не возвращался. Похоже, великий жрец просто давал парню шанс спастись. А вот Хо Ляньюнь, напротив, крутился вокруг сироты коршуном, выжидая удобного момента, чтобы допросить его с глазу на глаз.

— Тебе шестнадцать исполнится только в апреле, а я свой шестнадцатый день рождения справил ещё до Нового года. Так что я старше, — уверенно заявил Ван Ханьчжи. — Разве в Башне Десяти Направлений старшинство определяется не по возрасту? Иначе почему господина Цюнци все зовут Четвёртым?

Каждый раз, когда Ханьчжи заводил речь о Чжао Лои, Ли Мэну казалось, что этот чужак знает о его наставнике куда больше, чем он сам. Видимо, покойный Ван Ба в своё время действительно близко знал с великим жрецом.

— У них там в иерархии чёрт ногу сломит, — хмыкнул Ли Мэн. — Бывает, пятидесятилетние старики зовут моего учителя «дядей Чжао».

Ван Ханьчжи удивлённо моргнул:

— Правда?

Ли Мэн не горел желанием раскрывать внутренние дела Башни, поэтому перевёл взгляд на деревянный футляр в руках собеседника и с напускным любопытством спросил:

— Что это у тебя? Дашь взглянуть?

— Так, безделушка, — отозвался Ван Ханьчжи будничным тоном, явно привыкший к подобному ремеслу. — Внутри скрытый механизм для метания скрытого оружия. Стоит открыть крышку, как вылетают иглы. Если смазать их ядом, смерть наступает мгновенно. Но опытных бойцов такой шуткой не проведёшь — они никогда не открывают незнакомые шкатулки просто так. Сначала просунут щепку в щель, а сами спрячутся в стороне. Да и бьёт этот механизм недалеко, быстрый противник уклонится без труда. В боевых искусствах всё решает скорость. Для скрытого оружия главное — внезапность и неприметность, это куда важнее убойной силы. Чем мощнее устройство, тем оно массивнее, а значит, его легче заметить. Механизм — вещь мёртвая; если враг его раскусил, толку от него никакого.

Ли Мэн слушал его затаив дыхание, и в его глазах невольно промелькнуло искреннее уважение.

Заметив этот интерес, Ван Ханьчжи протянул ему законченную шкатулку и принялся увлечённо объяснять принцип работы:

— Смотри, здесь внутри две крошечные пружины. Когда они взведены, при сдвиге крышки вот эти деревянные упоры разводят их в стороны, и механизм мгновенно выталкивает иглы.

Внутреннее устройство шкатулки поражало изяществом, а на крышке была искусно вырезана живая картина «Восемь бессмертных поздравляют с долголетием». Только сейчас Ли Мэн разглядел, какие у Ханьчжи длинные, чуткие пальцы. Стоило юноше заговорить о механизмах, как от его недавней вспыльчивости и обидчивости не осталось и следа.

— Как думаешь, если я покажу это господину Цюнци, он согласится взять меня в ученики? — с надеждой спросил Ван Ханьчжи.

«Так вот к чему он вёл!»

Ли Мэн мысленно усмехнулся, но в то же время ему стало немного жаль парня. Ван Ханьчжи протянул ему шкатулку и серьёзно предупредил:

— Сюда закладываются иглы. Как толькоставишь их, закрепи вот этот фиксатор и закрой крышку. После этого ни в коем случае не прикасайся к ней сам.

— Да я просто спросить хотел, мне без надобности, — Ли Мэн покачал головой и вернул шкатулку владельцу.

— Ты всё ещё злишься за те два удара?.. — Ван Ханьчжи неловко замялся. — Хочешь, я извинюсь?

— Ну уж нет, это мне надо просить прощения, — вздохнул Ли Мэн. — Из-за меня пропало последнее письмо твоего отца, вина на мне. Постой, разве я уже не извинялся?..

Ли Мэн и сам толком не помнил. Похоже, всю дорогу Ван Ханьчжи дулся на него, потому и молчал как рыба, а сегодня решил первым сделать шаг к примирению. Тем не менее Ли Мэн настоял на своём и вложил шкатулку обратно в руки юноши:

— Ты же хотел показать её моему учителю. Вот покажешь, он оценит, а уж потом я с ней поиграю.

— Понятно... — Ван Ханьчжи понурил голову. — У вас с господином Цюнци такие доверительные отношения.

— Ну так он же мой наставник, — Ли Мэн дружески похлопал парня по плечу. — Со временем и у тебя так будет. Только близко к сердцу его холодность не принимай — он по жизни ни с кем не нянчится, привык предоставлять учеников самим себе.

Решив, что Ли Мэн просто насмехается над ним, Ван Ханьчжи лишь горько усмехнулся.

Заметив его реакцию, Ли Мэн поспешил оправдаться:

— Да нет же, у нас совсем другая история!..

Улыбка на лице Ханьчжи стала ещё печальнее.

Ли Мэн смутился, щёки его слегка порозовели. Он накрыл ладонь Ван Ханьчжи своей, мягко сжав его пальцы вокруг шкатулки:

— Послушай, если ты искренне хочешь учиться у него, он это поймёт. Для него мы оба — скорее обуза. Он привык защищать других, и нет в этом мире никого, кто мог бы защитить его самого. Поэтому ему не важна твоя полезность в бою... Тут уж как судьба распорядится. Наверное, легко мне рассуждать со стороны, ведь когда он заставил меня пойти в ученики, я брыкался изо всех сил. И только когда деваться стало некуда, пошёл за ним след в след. Зато боец он непревзойденный, пусть и молчун невозможный...

Ли Мэна укололо странное чувство ревности: с одной стороны, ему хотелось, чтобы другие тоже ценили достоинства Чжао Лои, а с другой — было неприятно делиться этим знанием с кем-то ещё.

Ли Мэн ушёл в комнату, а Ван Ханьчжи так и остался сидеть на крыльце, сжимая в ладонях шкатулку. Он твёрдо решил дожидаться возвращения Чжао Лои и поговорить с ним начистоту. Тогда, в поместье, когда великий жрец показал ему женские украшения и спросил о них, Ханьчжи промолчал, желая сохранить семейную тайну. Но если теперь он хочет завоевать доверие этого человека, нужно делом доказать свою преданность.

Однако Чжао Лои задерживался. Сморимый усталостью Ван Ханьчжи уже клевал носом, то и

дело прикладываясь подбородком к деревянному столбу галереи. Наконец во дворе показался силуэт великого жреца. Тот бесшумно прошёл мимо сонного парня и толкнул дверь соседней комнаты, даже не взглянув в его сторону.

Разочарованный Ван Ханьчжи медленно поднялся со ступеней.

В этот момент дверь соседней комнаты снова отворилась. Чжао Лои молча мазнул по нему взглядом и сделал короткий знак рукой. Его лицо оставалось бесстрастным, но Ханьчжи вдруг отчётливо понял: грозный жрец вовсе не был тем безжалостным чудовищем, каким его выставлял покойный Ван Ба. По крайней мере, истинные злодеи не возвращаются глубокой ночью, чтобы проворчать:

— Твои дела обсудим, когда доберёмся до Жуйчжоу. А сейчас ступай спать. Нечего шататься по двору в такое время, это небезопасно.

Бросив эти слова, Чжао Лои скрылся за дверью.

У Ван Ханьчжи подозрительно защипало в глазах. Сжимая шкатулку дрожащими пальцами, он ещё долго стоял на месте, прежде чем наконец уйти к себе.

На следующее утро, стоило им прибыть в поместье маркиграфа Цзинъяна, Хо Ляньюнь тут же поспешил на половину старой госпожи.

Служанки по указанию Му Цайтан проводили Чжао Лои и остальных гостей в Восточное крыло усадьбы. Ли Мэн прекрасно помнил эту женщину. Ещё до отъезда из Линьчжоу, бесцельно бродя по переходам поместья, он случайно подслушал её любовные утехи с Хо Ляньюнем. Те страстные стоны и шорохи тогда произвели на неискущённого юношу неизгладимое впечатление.

Поэтому при виде Му Цайтан щёки Ли Мэна мгновенно залил густой румянец.

Чжао Лои удивлённо покосился на ученика и приложил ладонь к его лбу, проверяя, нет ли жара.

— Молодой господин Ли выглядит утомлённым с дороги, — мягко проговорила Му Цайтан. — Маркизу сегодня необходимо уладить кое-какие семейные дела, а вечером в вашу честь будет устроен торжественный приём по случаю его благополучного возвращения. В час Петуха за вами пришлют слугу. Днём же можете располагать собой как угодно. Если что-то понадобится, только велите горничным позвать меня.

Склонив голову перед Чжао Лои, Му Цайтан грациозно удалилась.

Стоило двери закрыться, как Ли Мэн без сил рухнул на кровать, раскинув руки и ноги. Он

лежал с полуприкрытыми глазами и даже не стал открывать их, когда почувствовал, как Чжао Лои бережно обтирает его лицо влажным полотенцем.

— Она знает тебя? — тихо спросил парень.

Вместо ответа Чжао Лои согнул палец и легонько пощекотал его ступню.

Ли Мэн с визгом перевернулся на другой бок и обиженно закричал:

— Учитель!

На губах Чжао Лои заиграла едва заметная улыбка, хотя сам он прикинулся полным неведением:

— А что такое?

Закончив с делами, великий жрец лёг рядом, крепко прижал Ли Мэна к себе и не терпящим возражений тоном скомандовал:

— Спи.

Всю дорогу до Линьчжоу им не удавалось нормально отдохнуть: Ли Мэн то изводил себя страхом перед погоней, то караулил Чжао Лои, когда тот уходил по ночам. Будучи натурой впечатлительной, парень не мог сомкнуть глаз, если его что-то тревожило. Но здесь, в роскошных покоях, укутанный ароматным шёлковым одеялом и прильнувший к тёплой, надёжной спине Чжао Лои, он наконец почувствовал, как усталость берёт своё. Ли Мэн лениво провёл ладонью по подбородку мужчины:

— И всё-таки... та женщина. Она ведь тебя знает, да?

Ли Мэн уже почти провалился в сон, когда сквозь дрему до него донёлся тихий ответ наставника:

— Держись от неё подальше. Она куда опаснее Сяо Чанчу.

В памяти Ли Мэна Му Цайтан осталась кроткой и послушной красавицей, готовой на всё ради Хо Ляньюня. У него так и чесался язык расспросить учителя подробнее, но Чжао Лои бесцеремонно перехватил его руку, прижал парня к своей широкой груди и приказал:

— Сказал же — спать.

На дальнейшие расспросы Чжао Лои отвечать не стал, и Ли Мэну ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Сны его были сумбурными и нелепыми, но одно видение доставило ему истинное удовольствие: во сне он наголову разбил Сяо Чанчу, а Чжао Лои благоговейно преклонил перед ним колени, поднося на вытянутых руках его любимую трубку. Ли Мэн вовсю хохотал, победно размахивая этой трубкой, и восседал на сияющем троне главы союза боевых искусств.

Проснувшись, Ли Мэн ещё не до конца пришёл в себя. Сонно погладив лежащего рядом Чжао Лои по голове, он пробормотал под нос:

— Оставьте церемонии, учитель... Отныне вы — мой законный трофей.

Голос его был настолько тихим, что Чжао Лои ничего не разобрал и лишь недоуменно повернулся к нему.

Тут до Ли Мэна наконец дошло, какую глупость он сморозил. Сгорая от стыда, он пулей соскочил с постели и принялся спешно одеваться, стараясь не смотреть на наставника:

— Мы... уже идём на ужин?

— Да, Ван Ханьчжи давно нас ждёт, — Чжао Лои взял со стола короткий меч, а дорожный узел небрежно забросил в шкаф.

— А кошель взял? — спохватился Ли Мэн.

— Мы ужинаем в гостях, там деньги не понадобятся.

Но Ли Мэн упрямо покачал головой:

— Всё равно возьми. Там же целое состояние, мало ли что. Вдруг пропадёт.

Чжао Лои мягко усмехнулся и бросил увесистый кошель парню:

— Тогда держи его при себе. Потеряешь — останемся без гроша.

Глядя, с какой деловитостью Ли Мэн прячет их скромные сбережения, великий жрец почувствовал, как мочки его ушей предательски теплеют. Он сделал призывный жест пальцем.

Ли Мэн послушно приблизился и звонко чмокнул наставника в щеку.

— Господин Цюнцзи, молодой господин Ли, — Ван Ханьчжи почтительно поклонился им у

самого выхода.

Столкнувшись с ним взглядом, Ли Мэн смущённо кашлянул в кулак и потёр кончик носа.

Лёгкая улыбка мгновенно сошла с лица Чжао Лои. Привычным жестом коснувшись шрама у брови, он одарил юношу пронзительным, холодным взглядом и лишь коротко обронил:

— Идём.

Глядя, как Ван Ханьчжи мгновенно побледнел под этим взглядом, Ли Мэн едва сдержал злорадный смешок. Уж кто-кто, а он прекрасно понимал беднягу — в своё время стоило Чжао Лои одарить его подобным ледяным взглядом, как у него самого подгибались колени. Решив проявить великодушие, Ли Мэн подошёл к парню и дружески похлопал его по плечу, собираясь подбодрить.

Но вдруг в его груди бешено забилося сердце. Станный, необъяснимый импульс заставил дыхание перехватить, а ноги — предательски подкоситься. Из горла Ли Мэна едва не вырвался стон боли.

— Что с тобой? — в глазах Чжао Лои блеснул живой интерес.

Ли Мэн судорожно прижал ладонь к груди и с трудом выдавил:

— Всё в порядке.

— Видимо, проспал лишнего, вот ноги и не держат, — без лишних слов Чжао Лои подхватил парня на руки и понёс по коридору.

«Да он издевается!»

Ли Мэн готов был провалиться сквозь землю от стыда. Появиться в таком виде перед хозяевами дома — позор на всю жизнь! Все же решат, что за закрытыми дверями учитель и ученик занимались отнюдь не сном! И точно: обернувшись, он поймал на себе исключительно красноречивый взгляд Ван Ханьчжи.

Сгорая от неловкости, Ли Мэн поспешно уткнулся носом в широкую грудь наставника. Он и не подозревал, что Чжао Лои в последние пару дней с огромным увлечением испытывал новые способы пробуждения гу-дита, спаренного с тем насекомым, что дремало в теле его ученика.